

Зинка орала на него так, что в серванте звенели рюмки. Она ругалась матом или подбирала такие слова, которые больно задевали его самолюбие. А из-за чего? Подумаешь, с мужиками посидели. Впервой, что ли?

— Ты, скотина! Когда деньги будешь в дом приносить? Мне надоело смотреть на твою пьяную морду. Через день да каждый день заливаешь zenки. На что пьёшь? Нет, я спрашиваю: на что пьёшь?

Иван сидел на диване и тупо улыбался.

— Мне от детей и соседей стыдно за тебя! Ходишь по селу и собираешь стопки. В доме скоро хлеба не будет! Скотиньяка раздолбанная! — не унималась жена.

В глубине пьяненькой души Иван понимал, что супруга где-то права. Но он же не виноват, что совхоз обанкротился, а МТС развалилась. Хозяина-предпринимателя ещё не объявили банкротом, поэтому их официально не увольняли, но и зарплату не платили. Совсем. Уже третий месяц работники затягивают всё туже и туже пояса. А что мужикам делать? Работы нет. Вот и справляют поминки по совхозу.

Жена ходила по комнате, выговаривая обиды и претензии, при этом не прекращала делать какие-то свои дела. У Ивана было хорошее настроение, и когда она поравнялась с диваном, он попытался обнять и похлопать её по заду, так сказать, смягчить гнев.

Реакция супруги была неожиданной. В следующую секунду он понял, что зря это сделал, — тяжёлая Зинкина рука отпечаталась на его физиономии.

— Ну ты руки-то не распускай, — озлобился Иван, трезвея, держась за щёку, — а то и сдачу получить можешь!

— Ой, а ты на это способен? Да ты ни на что не способен! Импотент недоделанный! От тебя уже как от козла воняет! Пользы от козла больше, чем от тебя! Вот для чего ты живёшь? Чтобы пить да жрать?.. Неудачник жизненный!

Это была, как говорится, последняя капля масла в костре супружеского раздора. Гнев и обида вспыхнули внутри с силой фейерверка. Он подскочил с дивана и ринулся к выходу. В сенях запнулся за что-то, заматерился. Курица, выскочившая

невесть откуда, улетела от его пинка к покосившемуся забору. Иван заметался по двору, не зная, как погасить гнев, обиду и злобу — на Зинку, на себя и на весь окружающий мир.

— Я тебе покажу неудачника! Я тебе покажу импотента! Ты у меня ещё горькими слезами плакать будешь! Сука!

В порыве гнева заскочил в сарай. На верстаке лежала верёвка. Нервным движением схватил и начал делать что-то наподобие петли.

— Сама-то кому нужна будешь?.. Ещё сопли не раз на кулак намотаешь... Я вам всем покажу... Надоело! Всё! Конец!

Злоба кипела в нём сильнее и сильнее. Краем уха слышал, как хлопнула калитка. Подумал: «Наверное, к соседке пошла жаловаться».

Пододвинул старую шатающуюся табуретку, осторожно встал на неё и перешагнул на верстак. Перекинул верёвку через кольцо для переносного фонаря, свисающее с потолка, и туго затянул. На другом конце верёвки болталась петля. Взял её в руки, надел на шею...

Почему-то стало страшно, затряслись ноги. Холодный пот потёк по виску. Поправил на шее крестик, перекрестился:

— Прости мя, Боже!

За спиной скрипнула дверь. Резко повернул голову. В проёме стоял соседский сынишка Витёк с широко открытыми глазами:

— Дядь Вань, вы чо это?

Иван машинально и резко скинул петлю с шеи. Мальчишка испуганно ойкнул и пулей вылетел из сарая.

Ивана обдало жаром, а потом кинуло в холод. Его просто трясло всего. Ноги стали ватными, и он опустился на верстак. Взял, не глядя спички и «бычок» недокуренной сигареты, лежавшие рядом. Подумал, что это уже когда-то было в его жизни, где-то он это видел. Как дежавю... Да, конечно, он вспомнил!

В далёком детстве вот так же неожиданно заскочил в сарай. И на этом же месте стоял его отец с верёвкой в руке...

Иван закурил. «Неудачник!» — звенели в голове обидные Зинкины слова. Может, и правда неудачник? Может, на роду у них написано быть неудачниками?..

Отец рассказывал, что дед Ивана, Семён, жил в Белоруссии. Когда в четырнадцатом году началась империалистическая война, его забрали на фронт. Дед был бравым солдатом Первой мировой. Пламя войны, унёсшее многие тысячи жизней простых людей, не пощадило и его. Он, конечно, пришёл с фронта живым, полным георгиевским кавалером, но за это поплатился здоровьем — потерял руку на поле боя.

После войны вернулся в родную деревню. Женится. Жена Прасковья родила четырёх детей — трёх дочек и одного сына. Шли годы. Дети росли, отцы вместе со страной поднимали сельское хозяйство — пахали, сеяли, убирали. Жили трудно, бедно, голодно...

Его отцу Фёдору, младшему из семьи, исполнилось только шестнадцать лет, когда объявили войну двадцать второго июня сорок первого. С самых первых чисел июля началась оккупация их района. И уже к середине июля его полностью захватили немецкие войска. Молодёжь эшелонами угоняли в Германию.

Дед Семён знал, кто такие немцы, не понаслышке. Воевать он не мог с одной рукой и потому сделал для себя вывод: это конец! Дед оделся во всё чистое, надел свои орден и вышел перед деревней встречать свою смерть от немецких захватчиков.

...Немцы вторглись в деревню ближе к вечеру. Моторизованная пехота шла шумно, заглушая лай собак и поднимая придорожную пыль. Дед стоял на пригорке возле дороги, ожидая своей участи. Рукав рубашки был заткнут за пояс, ветер развевал его редкую седую шевелюру, а на груди блестя от закатывающего солнца Георгиевские кресты. Он думал, что вот сейчас примет смерть за Родину как солдат! Пусть немец видит, что он не боится врага и смерти!

Но немцы почему то, проходя мимо, стали отдавать ему честь. Вся колонна! Так и простоял старик со слезами на глазах до самого заката, не понимая, почему немец его не убил...

...А сельчане истолковали это по-другому. Плевались вслед, думая, что дед Семён хлебом-солью встретил немца. Через неделю его нашли мёртвым на сеновале. Говорили, что сердце не выдержало позора...

Отец рассказывал Ивану, что он тоже попал под оккупацию. Его, как и многих деревенских парней и девчат, погрузили в эшелон и отправили в Германию. Отец с ребятами пытались бежать. Они спрыгнули на одной остановке из вагона, но немецкие охранники дали по ним очередь из автоматов, поймали парней и снова затолкали в вагон. Батю ранило в колено. Соседи по вагону помогли остановить кровь и перевязали ногу. Больше о побеге не могло быть и речи.

Охраняемый автоматчиками эшелон шёл и днём, и ночью. Сначала прибыли в Германию, а оттуда

направили в Данию на сельскохозяйственные работы. Работали на фермеров от зари и до заката, как батраки. Но кормили их хорошо и не обижали. Так прошло четыре года...

Бате исполнилось двадцать лет, когда весной сорок пятого закончилась война. Осенью всех «батраков» собрали и отправили на Родину. Родная деревня приняла его как предателя (а он так скучал по Родине!). Обвиняли, что работал на немцев, называли «немецким прислужником», обзывали «власовцем». Говорили, что яблоко от яблони... Но разве ж была его вина в том, что шестнадцатилетним мальчишкой попал в жернова войны?

Жизнь в белорусской деревне стала невыносимой, и батя уехал в далёкую Сибирь, подальше от злобы и ненависти сельчан. Долгое время жил спокойно, женился, родил детей. Но и здесь «слава» настигла его. Кто-то написал донос. Проверки НКВД, недоверие властей, нелюбовь сельчан...

Всё было: и поджигали, и кошек дохлых в открытое окно кидали, и курей травили. Обзывали фашистом недобитым...

Однажды не выдержал. Побежал в сарай, схватил верёвку и стал искать, куда бы закинуть...

...Иван вспомнил, как в тот день с пацанами решили порыбачить. Договорились пойти на вечерний клёв. Сварил немного перловки на наживку, но вдруг подумал, что нужно ещё червя накопать. Пошёл в сарай за лопатой. Дверь была полуоткрыта, и он тихо прошмыгнул в полумрак.

Иван сначала ничего не понял. Даже испугался от неожиданности, когда увидел отца, стоящего на табуретке посередине сарая.

— О, батя! А ты чего здесь де... — и застыл от страшной догадки о происходящем.

Отец вздрогнул, схватился за шею и нервно сдёрнул с себя петлю. Видно было, что он стыдился своего поступка.

— Уйди, Ванька, уйди. Христом Богом прошу! — и заплакал.

Иван тихо вышел из сарая и спиной слышал, как отец неистово молился:

— Господи, прости мою душу грешную! Прости мя, Боже...

Через месяц отца обнаружили мёртвым за оклицей. Убийц так и не нашли...

...Зинка бежала к своему дому, не разбирая дороги. Майская грязь летела брызгами во все стороны. Иногда ноги в старых калошах разъезжались, попадали в лужу и наполнялись холодной водой, но она этого не замечала.

Женщина влетела во двор, чуть не вырвав калитку с петель, и напрямик устремилась к сараю. Рывком распахнула дверь...

— Иван, не смей! — ещё не видя супруга, заорала она.

Иван сидел на грязном полу и молился: — Господи, прости меня, прости мя, Боже!

Зинка почти прыжком очутилась возле него и тоже рухнула на колени.

Она обняла его за голову, прижала к себе:
— Ваня, Ванечка! Прости меня, дуру! Не со зла я! Как ты мог додуматься до такого? Вот дурачок! Я же люблю тебя!

Иван уткнулся супруге в грудь и заплакал. Зинаида гладила мужа по лысеющей голове, вытирая солёные ручейки, текущие по её щекам.

И неслось навверх, туда, в космическую даль:
«Прости нас, Боже!»